

Над Славкенбергом нависло чувство нервозности. Празднования в честь Восстания закончились, и люди вернулись к работе с огнем в сердце от осознания, что их труд больше не служил ненавистному Гиорбе.

Изменения уже были очевидны. Тюрьмы были открыты, тысячи семей воссоединились, а другие получили утешение. Еда, ранее посылаемая на расточительные банкеты аристократов и гостей из других миров, вместо этого использовалась для того, чтобы накормить местных жителей, а позолоченные дворцы, построенные для так называемых достойных, превратились в общежития для тех, кто остался без крова после многочисленных проектов реконструкции в трущобах, скрытых от глаз приезжих.

Ранее свой единственный в пятнадцать дней выходной они вынужденно проводили в церквях Экклезиархии, на коленях слушая коррумпированных священников, рассказывающих, что только в жалком рабстве и преклонении их жизнь имела ценность. Теперь же каждые восемь дней рабочим давался один свободный день под собственные нужды. Даже дни работы стали почти приятными без постоянной угрозы надзирателей, ныне замененных лидерами из числа самих рабочих, подчинявшимися новой бюрократии.

С такими радикальными изменениями, достигнутыми за столь короткое время, многие задавались вопросом, какие новые чудеса несло им будущее. Были и те, кто говорил о возможности принести Освобождение остальной части Империи, освободив братьев, все еще страдавших от гнета Империи под светом далеких солнц. Другие считали, что они должны были в первую очередь защищать себя или искать знания, которые были скрыты от них их былыми повелителями: секреты машин и божественного.

Когда церкви и соборы Имперского Кredo были низвергнуты, когда их жрецы-тираны были вытащены и перерезаны, как и заслуживали эти мерзкие деспоты, люди Славкенберга оказались свободны исследовать всевозможные духовные пути там, где раньше они были вынуждены следовать единственному, безжалостному и жестокому, что обещал привести их к подножию Золотого Трона. Проповедники с эмблемой Совета Освобождения обращались к постоянно растущим толпам, рассказывая им о Силах, выступающих против тирании Империи, и награждающих благословениями тех, кто доказал им свою ценность.

Не было двух одинаковых мнений о будущем Славкенберга. Однако все сходились в одном: под предводительством Каина Освободителя их ждало только величие.

Минуло три месяца после восстания, к моему собственному изумлению, я был еще жив.

После того случая в горной крепости меня на удивление больше никто не пытался убить. План заставить Юргена обрушить свои силы на застатых врасплох защитников умер жалкой смертью, когда один из моих идиотов-сопровождающих поскользнулся, начав небольшой оползень и привлекая к нам все взгляды (и стволы). Столкнувшись с полусотней солдат, я был уверен, что вот-вот умру: Юрген был силен, но он не мог защитить меня от всего этого арсенала одновременно.

Но тут кардинал открыл рот и ненароком спас мою жалкую шкуру.

Дрогио Гиорба был таким же безумцем, как и остальные представители его вырожденной семьи: он начал вопить о пытках, которым он подвергнет каждого мятежника, посмеявшегося выступить против него с подробностями, что дали понять - у него был большой опыт в таких вещах, которые, я точно уверен, не преподаются на семинарах Экклезиархии. Конечно, старый

капеллан Десонес еще в Схоле знал кое-что о пламенных проповедях и наказаниях заблудших учеников (не то чтобы я когда-либо подвергался последним, поскольку был достаточно осторожен, чтобы не быть пойманным на горячем), но даже худшие угрозы старого солдафона меркли перед тем, что Дрогири пообещал обрушить на каждого мужчину, женщину и ребенка Славкенберга. Сумасшедшая тирада кардинала позволила очень легко убедить остальных защитников в том, что отдавать жизнь за этого человека не было достойной смертью: судя по выражениям на их лицах, большинство из них уже, вероятно, подумывали расстрелять ублюдка сами. Возмущенный их «предательством», Дрогири бросился на меня с пеной у рта и с силовой булавой, которой он явно не умел пользоваться, в руках. Мне даже не понадобилась помощь Юргена: шаг в сторону, удар вниз, и я снес ему голову.

С тех пор я проводил время, носясь вокруг, как безголовый цыпленок, удерживая все от развала и не давая планете погрузиться в анархию. Я путешествовал по всей планете, встречаясь с местными лидерами, отклоняя их льстивые похвалы, скромно заявляя, что все мы являлись частью Славного Освобождения, и притворяясь, что мне не было абсолютно наплевать на их проблемы. И вот я снова был в столице, которая в мое отсутствие и без моего разрешения была переименована в Кайнополь, а мои попытки изменить название на что-то другое воспринимались за скромность и полностью игнорировались.

В другой ситуации я был бы более раздражен этим названием, но было уже слишком поздно притворяться, будто я не был частью всей этой неразберихи, когда Империиум неминуемо зовет меня.

Когда Славкенберг более или менее объединился под властью Совета Освобождения (вероятно, все еще существовала горстка мелких поселений, которые сидели с опущенными головами и ждали, когда имперский сапог обрушится на наши головы - как я полагал, вполне обоснованно), пришло время восставшим начать фактически управлять этой несчастной планетой. А раз я все еще считался гребаным Освободителем, то я тоже должен был принимать участие, иначе бы началось казаться, будто мне не было дела до бунтовщиков, уже убивших своих предыдущих лидеров.

О многом говорило то, что я даже не мог найти в себе силы поверить, будто кучка еретиков со мной во главе справились бы хуже предыдущего губернатора.

Вот так я и оказался в этой ситуации, сидя во главе стола в присутствии других членов Совета Освобождения. Мы встретились в одной из многочисленных неиспользуемых комнат губернаторского дворца, выбранной мною наугад и подготовленной для этой цели (слегка параноидально с моей стороны, но я предпочел не давать другим возможности подготовить что-либо).

Над нами висел баннер с нелепой эмблемой, которую я предложил во время митинга перед Восстанием. Это было задумано как шутка чтобы разрядить обстановку, так как различные представители, казалось, были на грани драки из-за эстетических различий (то, с чем у меня не было бы никаких проблем, если бы я не рисковал оказаться посреди перестрелки), но все они восприняли это всерьез и решили согласиться с моим дизайном. Теперь этот дурацкий дизайн, который я создал на основе игрушки, используемой самыми младшими учениками Схолы, мелькал по всей планете - от нарукавных повязок солдат до официальных документов, распространяемых новой бюрократией.

Юрген, всегда верный помощник, приготовил закуски, и я с благодарностью сделал глоток рекафа, пока все усаживались, и попытался скрыть свои нервы. Разумеется, я был вооружен своим верным цепным мечом и болт-пистолетом, отобранным у губернатора во время нашей, с

разрешения сказать, «дуэли». Болтер не был моим предпочитаемым оружием дальнего боя: несмотря на стереотипное представление о том, что каждый комиссар носит его для устрашения, я считал лазган гораздо более универсальным и удобным для ношения, к тому же для него легче раздобыть боеприпасы.

К сожалению, эта чертова пушка стала частью моего образа как Освободителя из-за того видео, на котором я выстрелил в лицо ее бывшему владельцу – видео, казалось, увиденное всем населением планеты, включая тех, кто, вероятно, был слишком молод для подобного зрелища. И поскольку этот образ был единственным, что хранило мою шкуру в целости, мне пришлось играть эту роль и носить его с собой, хотя аквилы и другие имперские символы были удалены.

Что ж, сказал я себе, самое время начинать.

Из всех мест, где могла состояться эта встреча, генерал Махлоне, высший офицер Объединенной армии Славкенберга (как СПО была переименована после Восстания), все еще не мог поверить, что Освободитель приказал провести ее именно здесь.

Огромный зал, в центре которого теперь стоял сравнительно небольшой стол, за которым они сидели, раньше был заполнен картинами, скульптурами и другими произведениями искусства, созданными во имя так называемой славы рода Гиорба. Там были представлены все губернаторы Славкенберга, происходившие из этой ненавистной родословной. Но теперь от прежнего назначения комнаты не осталось абсолютно никаких следов. Произведения искусства (качество которых было разным, по крайней мере, на техническом уровне — Малоне не мог винить художников, многие из которых работали под угрозой тяжких наказаний, в уродстве изображаемых) были убраны, сожжены, разрушены, или расплавлены. Он знал, что по крайней мере одну действительно уродливую золотую статую превратили в памятные монеты, вручаемые активным участникам Восстания.

Теперь на месте исчезнувших произведений искусства висел баннер с изображением символа Восстания. Как и ожидалось от чего-то, разработанного Освободителем, он был одновременно элегантным и обманчиво простым: золотой круг на зеленом фоне цвета великих полей Славкенберга, разделенный на четыре части внутренним крестом с меньшим диском в центре. Каждый из четырех подразделов был разного цвета: красный, фиолетовый, синий и железно-серый, соответственно представляющие ОАС, Служанок, кабалу администраторов Главного клерка Джафара и, наконец, что не менее важно, техножрецов, чьи действия предотвратили орбитальную бомбардировку Славкенберга.

Этот конкретный флаг, конечно, выглядел гораздо сложнее большинства других, вероятно сшитый специально для этой встречи. Каждая из четырех частей центрального диска была украшена знаком группы, которую он представлял: бронированный кулак ОАС, странный волнистый знак Леди Эмели, зубчатый череп Механикус и одноглазый полумесяц Последователей Перемен Джафара.

Это был символ союза, который позволил Совету Освобождения свергнуть Гиорбу, чего ни одна из групп не смогла бы добиться в одиночку. Напоминание о силе единства и о жизненно важной роли, которую Каин сыграл в создании этого союза. Заставив их встретиться в этой комнате, под этим символом, Каин напоминал им всем о том, что они уже совершили вместе, а также о том, что в конце концов именно он сразил последнего из Губернаторов Гиорба, положив конец сомнительному наследию, когда-то населявшему эту комнату.

И все же Освободитель не стал садиться на трон, на что имел полное право. Вместо этого все они сидели на одних и тех же стульях, которые, Малоне был совершенно уверен, были взяты из комнат для прислуги, а не из комнаты губернатора — еще одна попытка дистанцироваться от бывшего и напоминание о том, что в конечном счете они были слугами людей Слокенберга. На круглом столе между ними был гололитический проектор, показывающий медленно вращающееся изображение их мира с рунами, отмечающими различные важные места.

«Спасибо всем, что пришли», — сказал Освободитель, ставя кружку. Тот факт, что, несмотря на всю свою власть, он все еще пил обычный рекаф, был еще одним признаком его преданности своей роли лидера Славкенберга.

Его помощник стоял позади него - еще одно молчаливое, ненавязчивое напоминание о силе в распоряжении Освободителя. Малоне не видел своими глазами, как этот человек сражался во время Восстания, но он читал отчеты солдат-свидетелей и не было никаких сомнений, что Ферик Юрген был самым индивидуально могущественным человеком (служанки делали это уточнение важным) на Славкенберге. Сам факт, что человек вроде него, кто сам легко мог бы стать военачальником, предпочел вместо этого следовать за Каином, был еще одним свидетельством величия Освободителя.

«Мы все были весьма заняты последние несколько недель», — продолжил Каин, — «но теперь, когда все несколько успокоилось, пришло время обсудить, что мы будем делать дальше. Нет никаких сомнений в том, что в будущем Славкенберга таятся еще многие проблемы и опасности, но вместе, я уверен, что мы сможем преодолеть их все».

Все находящиеся в комнате выпрямились при этих словах, включая самого Малоне.

«Начнем с очевидного. Генерал Малоне, как поживает армия?»

«Мораль выше, чем когда-либо», — ответил Малоне. «Люди очень счастливы, что наконец-то освободились от Гиорбы, и ликуют из-за нашей победы».

«Рад это слышать», — с легкой улыбкой кивнул Освободитель. — «Я полагаю, что вскоре нам придется вновь положиться на них для защиты того, что мы строим в этом мире. Империи в конечном итоге ответит на наши действия, и нам не стоит ожидать от них понимания».

Малоне почувствовал вспышку ярости при упоминании ненавистного Империиума, но сдержался усилием воли. Ему следовало сохранять хладнокровие, особенно когда сам Каин казался совершенно спокойным, несмотря на то, что у него было больше причин презирать Империиум, чем у кого-либо еще в комнате. В конце концов, Империиум не только отнял у него родителей своими бесконечными войнами, но и попытался превратить его в очередной бездумный инструмент жестокости и контроля, сделав его комиссаром.

«Теперь, когда последствия Восстания устранены, мы можем сразу приступить к увеличению размера ОАС», — пообещал Малоне. «Мы должны быть в состоянии удвоить нашу фактическую численность в течение нескольких месяцев...»

«Всеобщей мобилизации не будет», — вмешался Каин. «Помимо замещения храбрых солдат, погибших в Восстании, мы сохраним численность на уровне до Освобождения».

«Что?! Но я уверяю вас, лорд-освободитель, люди жаждут присоединиться!» — запротестовал Малоне, вкочив прежде, чем понял, что двигается. «Нет нужды в воинском призыве, достаточно простого призыва добровольцев!»

«Наши люди может и готовы положить свои жизни на защиту Славкенберга», — спокойно ответил Каин, «но я бы предпочел, чтобы они жили, способствовали его процветанию и наслаждались им. Кроме того, наша нынешняя промышленная база не сможет должным образом вооружить и оснастить большую армию - даже содержание текущего оборудования будет проблемой. Кроме того, пытаться побороть Империум одним лишь числом — глупое мечтательство. Мы едва ли когда-либо можем сравниться с ресурсами в их распоряжении, и мы никогда не сможем сравниться с их готовностью жертвовать жизнями в погоне за победой. Мы не сможем победить Империум количеством, поэтому вместо этого стоит сосредоточиться на качестве».

«Я... я понимаю», — сказал Малоне, моргнув, когда его осенило. Освободитель, конечно, был прав, ведь он знал об Империуме в целом больше остальных членов Совета, будучи единственным его членом, который не провел всю свою жизнь на Славкенберге. «Вы правы. У вас есть предложения, как это можно сделать?»

Похоже, он купился, подумал я про себя, когда Малоне сел, принимая мои доводы. Что действительно показывало невероятно низкие стандарты для старших офицеров в Славкенбергском СПО.

Несмотря на переименование, после чисток и замен сторонников Гиорбы структура ОАС в основном осталась прежней. В большинстве вооруженных сил это привело бы к периоду полного хаоса, поскольку недавно получившие повышение офицеры из всех сил пытались справиться со своими новыми обязанностями, но, учитывая качество (а если быть точнее, отсутствие такового) офицеров, перебитых собственными солдатами после начала Восстания, общая эффективность ополчения Славкенберга фактически только возросла. В конце концов, подавляющее большинство из казненных были политическими назначенцами из знати, более заинтересованными в предполагаемом престиже своих должностей и связанной с этим зарплате, чем в выполнении своей работы.

А еще их теперь возглавляла кучка культистов Кхорна, которые после нескольких поколений неспособности остановить поборы Гиорбы наконец смогли искоренить всю его семью и теперь верили, что любая проблема могла быть решена достаточным количеством насилия.

Если бы я выбился из образа, руководство ОАС первыми бы начали охотиться за моей головой. К счастью, мои злоключения во время Восстания и позднее убедили их, что я был каким-то героическим защитником народа, который заботился о простых солдатах и всегда готов сражаться на передовой вместе с ними или даже впереди них. Такая репутация была обоюдоострым мечом, но как скажет вам любой, кто когда-либо сражался цепным мечом: все зависит от того, как вы его используете — что я только что и сделал, убедив Малоне согласиться с моим предложением сохранить нынешний размер Освободительной армии.

Печальная правда, но я не ожидал, что сосредоточение внимания на усилении уже имеющихся войск имело много смысла. Из нескольких командировок вместе с Гвардией во время моего краткого быта курсантом-комиссаром (до того, как мне удалось наконец выбесить моих инструкторов, заставивших меня закончить учебу, просто чтобы избавиться от меня), Астра Милитарум могли рассчитывать на оснащение и подготовку порядком лучшие, чем у планетарных ополченцев, с исключениями в виде горстки супер-военизированных миров. И Славкенберг, хотя мог считаться очень приятным миром для жизни, если не считать правившие здесь теперь еретические культы, определенно в число исключений не входил.

Но чем меньше тел нам пришлось бы бросить в мясорубку после неизбежного прихода имперского возмездия, тем проще был бы возврат Слокенберга в лоно Империума. Подобный саботаж восстания может показаться нелогичным, поскольку остальная часть Совета могла моментально ополчиться на меня, и я стал бы приоритетной целью для устранения. Однако простая истина заключалась в том, что у Славкенберга не было шансов успешно противостоять Империуму в долгосрочной перспективе. Так что единственная надежда была, что более короткая кампания могла привести к меньшим жертвам среди гражданских и менее серьезным последствиям для населения в целом. И, что еще куда важнее, облегчила бы инсценировку моей смерти и мое последующее исчезновение на одном из транспортных, позволив мне незаметно изменить личность и оставить в прошлом как мое участие в этой ереси, так и мою насильственную вербовку в Комиссариат.

Конечно, все еще следовало беспокоиться об Эмели, но тот момент я был уверен, что она могла читать мои мысли из Варпа ничуть не лучше, чем когда мы находились в одной комнате (или даже еще ближе, как это неоднократно случалось). Я был уверен в способности увлечь ее достаточно долго, чтобы найти пару-тройку хороших экзорцистов, и, конечно же саботаж этого восстания изнутри подарил бы мне немного благодарности от Императора. Я отказывался верить, что Он одобрял деяния Гиорба: просто Его время было занято более важными делами.

Причина моих действий заключалась в том, что после нескольких недель беспокойства и ошеломляющего ужаса, пока я обдумывал свою ситуацию, я понял, что мой лучший способ избежать вечного проклятия — незаметно саботировать способность Слокенберга защищаться. Таким образом, когда возмездие Империума неизбежно явится, отвоевание планеты прошло бы максимально гладко и безболезненно. Конечно, я и сам намеревался найти выход за пределы мира прежде, чем до меня доберутся Комиссариат (или, что еще хуже, Инквизиция). Я собирался инсценировать свою смерть, пробраться на борт одного из способных к варп-прыжкам кораблей, доставивших легионы Императора для подавления восстания, и тихо исчезнуть.

И все это нужно было сделать достаточно тонко, чтобы Эмели и сумасшедшие за этим столом не успели понять, что я сделал. Ее влюбленность в меня была уже достаточной проблемой; Я не хотел даже представлять, на что был похож ее гнев.

Я очень, очень хотел вознести молитву Императору о помощи, но почему-то возникало чувство, что это была не самая удачная моя идея на тот момент. Поэтому вместо этого я продолжил свое выступление:

«Конечно, знаю», — ответил я на вопрос Малоне. «Во-первых, нам нужно будет внести определенные изменения в подготовку солдат: вы и другие сделали все, что могли, но из-за прислужников Гиорбы старые СПО не смогли раскрыть свой истинный потенциал. Кроме того, нам нужно будет улучшить снаряжение солдат, и для этого», — я повернулся к другому члену Совета Освобождения, — «мы будем полагаться на вас и ваш орден, Магос Тесилон-Каппа».

Тесилон-Каппа выглядел как типичный техножрец, будучи больше машиной, чем живой плотью, с четырьмя зелеными линзами, светящимися в тени капюшона. Он был лидером группы Адептус Механикус, которые присоединились к восстанию. Мир вроде Славкенберга, конечно, не нуждался в большом количестве агентов Заводного Императора, но в общей сложности их было несколько сотен, в основном обслуживающих турбины на дне океанов планеты.

В сочетании с планетарной энергосистемой огромные подводные сооружения обеспечивали Славкенберг всей необходимой ему энергией, и при этом не портили вид туристам

неприятными зрелищами вроде станций сжигания прометия. Учитывая, как мало промышленности было на планете, значительная часть этой энергии тратилась впустую на легкомысленные нужды, вроде отопления саун в горных убежищах для приезжей элиты с других миров.

Эти конструкции, как мне дали понять, были тысячелетним чудом инженерной мысли, которое считалось самым священным местом Механикус на Славкенберге. Тесилон-Каппа был далеко не самым высокопоставленным техножрецом на планете, но именно он выполнял всю работу по обслуживанию генераторов, в то время как его начальство проводило все свое время в «медитации» или в бесконечных дебатах.

Согласно донесениям разведки Кристабель, бесчисленные дни, потраченные на выслушивание дебатов начальства о неясных, бессмысленных вопросах доктрины, в конце концов переполнили чашу терпения, и он сорвался, убив их всех, после чего легко переметнулся на сторону восстания. К счастью, насколько я мог судить, он действительно беспокоился только о своих машинах. Факт, что шестеренки оказались самыми здравомыслящими из нашей группы, ни капли не радовал, но это было лучше альтернативы, тем более что именно они управляли небольшой флотилией космических кораблей на орбите Славкенберга.

«Что вам от нас требуется, Освободитель?» — спросил Тесилон-Каппа своим искусственным голосом.

«Во-первых, с генераторами все в порядке?» - спросил я.

«Да, Освободитель. Дополнительные ресурсы, которые вы прислали нам после Восстания, позволили нам справиться с текущими заботами по обслуживанию, которые простаивали из-за Гиорбы».

«Хорошо». Стоило генераторам выйти из строя, и на свои шансы избежать последующих за этим беспорядков я бы поставил ни единого кредита, не говоря уже о своей жизни. «Можете ли вы выделить часть своих людей для помощи в строительстве новых заводов? Индустрия туризма, которая обеспечивала работой многих наших граждан, мертва и останется мертвой, и теперь Славкенбергу нужно встать на ноги, чтобы пережить грядущие невзгоды».

«Это... возможно», — прожужжал ответ. «Из ваших предыдущих слов я предполагаю, что эти заводы будут предназначены для производства оружия для вооруженных сил?»

«Именно», — подтвердил я.

«В наших банках данных нет священных шаблонов для изготовления лазганов или другого оружия», — заметил Тезилон-Каппа. «Вооружение Сил Планетарной Обороны импортировалось из другого мира».

Это неудивительно. Администратум недолюбливал миры, развивающие производство собственного вооружения, видя в этом признак бунтарских амбиций со стороны губернатора. Вместо этого имперские миры, которые желали защитить себя, были вынуждены полагаться на импорт из утвержденных миров-кузниц.

«Ну, у нас их целая куча под рукой. Как быстро вы научитесь изготавливать их, если мы позволим вам разобрать несколько?»

«Это не займет много времени», — наконец ответил он после нескольких секунд молчаливого размышления. «Мы приобрели некоторый опыт воссоздания компонентов за годы

обслуживания генераторов, который может пригодиться в этой ситуации. И мы можем начать строительство заводов прямо во время исследований для экономии времени».

«Хорошо, хорошо. Но одних лазганов будет недостаточно. Мы захватили несколько комплектов панцирной брони, насколько я знаю?» — спросил я Малоне, и тот кивнул в ответ.

«Да», — подтвердил он. «Гиорба, да сгорит его душа в огне кузниц Кхорна, выкупил их из иного мира для использования своими приспешниками, чтобы по просьбе этого ублюдка Аркена придать им образ непобедимости. Не то чтобы это спасло его от вас, конечно».

«Ну, мы еще могли бы их использовать», - сказал я, отмахиваясь от его упоминания о моей стычке с этим мясником, без сомнения еще больше укрепляя мою репутацию скромного героя в его глазах, прежде чем вернуться к разговору с магосом. «Если мы хотим получить реальный шанс удержать позиции, когда Империум явится за нами, нам нужен способ создавать их для всех наших сил, а также заменить танки и артиллерию, которые использует ОАС. "

Одна за другой линзы моргнули. «Это будет непростая задача, но я уверен, что мы справимся».

«Я знаю, что вы сможете. И последнее». Я напрягся — дальнейшее будет непросто, но день, когда я не смогу социально переиграть техножреца, станет днем, когда я зарежусь пить амасек. «Фабрики не будут использовать сервиторов. Их придется спроектировать так, чтобы они использовали полностью человеческих работников».

«Почему?» — спросил Тесилон-Каппа своим совершенно бесстрастным голосом.

«Потому что», — объяснил я, — «теперь, когда мы освободили тюрьмы несчастных, брошенных туда Гиорбой без всякой причины, в Славкенберге больше нет крупного преступного контингента». После освобождения невинных и тех, кого культы считали полезными, в тюрьмах все еще оставались люди, но их было относительно немного. «Кроме того, я сомневаюсь, что у вас есть фабрики для их производства в количествах, необходимых для достижения уровня промышленности, который нам понадобится».

«Это правда», — подтвердил он. «И теперь мы не можем запросить их где-либо еще». Что-то зажужжало и защелкало под его одеждой. «Я не учел, насколько недавние события повлияли на парадигмы, в соответствии с которыми мы работаем. Приношу благодарность за то, что вы просветили меня, Освободитель».

«Пожалуйста», - сказал я с внутренним вздохом облегчения. «Но поскольку на фабриках будут работать неаугментированные рабочие, им потребуются надлежащие меры предосторожности. Я не хочу, чтобы колеса промышленности были буквально смазаны кровью наших людей, понимаете?»

Я, конечно, не был техножрецом. Но я видел огромные сборочные линии Мануфакторий Империума, где каждый день десятками собирались танки. Скрываясь за фасадом беспокойства о рабочих, я мог сделать так, чтобы наше производство вооружений оставалось как можно более низким. Что касается разрешения шестеренкам импровизировать... что ж, из того немногого, что я знал о методах Культа Машины, было ясно, что это была очень плохая идея, и попытки создать что-то новое вместо точного следования идеям наших прославленных предков были бессмысленны. Учитывая, что эти идеи были придуманы еще тогда, когда Он ходил среди нас на Земле, это логика была для меня очевидна.

Освободитель был серьезен, осознал Тесилон-Каппа с пульсом чего-то, что у неаугментированного человека можно было бы назвать шоком.

То, что предлагал Освободитель, было как раз тем, что он пытался реализовать сам: реформы, которые, как показывали расчеты, могли резко повысить производительность работы на генераторах. Их, конечно, всегда отвергало начальство, но теперь эти кучи ржавчины больше не могли помешать прогрессу.

Сервиторы могли быть полезны, но, по мнению Тесилон-Каппы, еще полезнее были обученные рабочие в защитном снаряжении. Сервиторы представляли собой одержимость Механикус секретностью или, возможно, инструмент контроля, вездесущее поминание о наказании за неповиновение, и они использовались повсюду в Империи.

О, их предводители заявили бы, что сервиторы были необходимы, чтобы избежать использования ужасного Силикум Анима, Изуверского Интеллекта, но это ложь становилась очевидна, стоило только задуматься об этом хоть на минуту. К примеру, зачем превращать человека в сервитора, единственной функцией которого была переноска ящиков из одного конца комнаты в другой? Человек-рабочий мог бы сделать это с соответствующими инструментами, но также мог бы выполнять и множество других задач. Возможно, время, которое Тесилон-Каппа потратил, надрывая свои механизмы и поддерживая работу благословенных генераторов, окрасило его восприятие, но он сомневался в этом.

Тесилон-Каппа любил работать над генераторами, хотя работа становилась все труднее и труднее, поскольку губернатор урезал их финансирование, а их начальство тратило время своих подчиненных на богословские «дебаты», сводившиеся к прослушиванию их разглагольствований. Все это время можно было потратить на обеспечение работы генераторов. Величие древних машин внушало благоговейный трепет, но он не закрывал глаза на тот факт, что если бы дела шли своим чередом, то эти чудесные машины в конечном итоге сломались бы, независимо от его усилий.

Вот почему он присоединился к мятежу, хотя и не мог отрицать, что испытал большое личное удовлетворение, отключая аугметику своего начальства с помощью избыточного приложения кинетической энергии. Таково было обращение, которому они подвергались, что к нему решили присоединиться подавляющее большинство коллег. И они не пожалели об этом, поскольку Каин сдержал обещания, данные при заключении союза, и предоставил им дополнительные ресурсы и рабочую силу, которые до этого они были вынуждены вымаливать у Гиорбы.

И вот теперь это. Возможность строить что-то новое, получать знания собственными усилиями, а не потому, что они были предоставлены ему. И долгожданный шанс воплотить в жизнь меры безопасности, которые он предлагал снова и снова после потери серваторов и техножрецов в результате несчастных случаев, только чтобы услышать, что их смерть была их же ошибкой из-за отсутствия благочестия, оскорбившего дух машины.

«Я понимаю», — ответил он Освободителю. «Я начну работать над этим немедленно. Генерал Малоне, я попрошу вас предоставить нам необходимые образцы».

«О, конечно», — ответил генерал. «С нетерпением жду возможности поработать с вами, Магос».

Тесилон-Каппа был умиротворен, а Малоне — доволен перспективой новых игрушек для своих войск, так что я решил обратить свое внимание на оставшихся двух членов Совета

Освобождения.

Эти двое едва ли могли выглядеть еще более разными. Главный клерк Джафар по-прежнему носил мантии клерка Администратума, а имперские символы были заменены символами Бога Перемен, которому он служил. Тем временем Кристабель была одета во что-то, что выглядело бы уместнее на модном гала-концерте для жителей шпилей на моей родной планете, хотя я и знал, что этот наряд был все еще консервативнее того, во что Служанки наряжались в неформальной обстановке. «Заглядывая вперед, — сказал я, — нам также нужно рассмотреть вопросы веры. К настоящему времени устранение влияния Экклезиархии на Славкенберге полностью завершено».

Что, хотя и было правдой, можно было назвать немалым преуменьшением. В целом жители Славкенберга отличались удивительно низким уровнем благочестия, что, думаю, было весьма предсказуемо. Гиорба и их приспешники контролировали Экклезиархию на протяжении поколений, и каждый жрец на планете постоянно напоминал угнетенным массам, что условия их жизни были волей Бога-Императора, что протест против них был ересью и что мольбы не забирать их детей в пыточные развратной знати заслуживали вечного проклятия. В результате подавляющее большинство представителей Адептус Министорум на Славкенберге были растерзаны толпой во время Восстания, и лишь горстка избежала смерти — как правило, те, кто находился в самом низу иерархии, работая в бесплатных столовых и обучая детей чтению в самых неблагополучных уголках планеты. Когда произошло Восстание, они весьма благоразумно сняли свои одежды и растворились в толпах своих прихожан.

Между тем, многие соборы, построенные тяжелым трудом угнетенных масс Славенберга, еще не были сожжены, главным образом, на что я указал, из-за своего расположения прямо в центре города, и мы едва ли могли рассчитывать, что разгоряченная толпа не спалит всю округу. Однако они были тщательно разграблены, и богатства, накопленные прелатами, либо оказались в казне Совета Освобождения, либо разошлись среди самых энергичных мародеров. После этого начался процесс контролируемых сносов — мне сказали, что в обрушении участвовали тысячи местных жителей, радующихся каждый раз, когда рушился очередной символ их страданий.

И все же, хотя жители Славкенберга и были только рады восстать против Империума и Экклезиархии, это не означало, что они все вдруг стали поклоняющимися Хаосу психами. Если бы я позволил этим маньякам передо мной начать приносить людей в жертву на алтарях, у нас бы случился еще один бунт быстрее, чем я успел бы сказать: «Я же говорил». Хуже того, если бы они использовали деспотичные методы вроде колдовства или вызова демонов для насильственного обращения миллионов в поклонение Губительным Силам, тогда все мои надежды на безболезненное имперское отвоевание можно было смело выкидывать в окно.

«Мы не станем заменять Имперское Кредо другой верой», — заявил я, и тут же их глаза расширились от шока. «Я намерен разрешить своим гражданам Славкенберга исповедовать любую религию на их выбор, при условии, что они будут следовать закону».

«Некоторые из них все еще будут поклоняться Труп-Императору», — нахмурился Джафар.

«И пока они не проповедуют мятеж, мы позволим им это», — сказал я ему, заставляя свой голос оставаться твердым. «Мы сражались за свободу, и я не позволю нам снова стать теми, с кем мы сражались. Кроме того, если вы не можете убедить жителей Славкенберга принять Силы без принуждения», — сказал я, используя предпочтительное имя Темных Богов, «тогда это только ваша вина».

Я видел Эмели в ее новой демонической форме, и у меня не было абсолютно никакого желания допускать других демонов на Славкенберг, что неизбежно произошло бы, если бы я позволил этим маньякам таскать людей к алтарю для жертвоприношения. В лучшем случае мы бы добились негодования и укрепления оппозиции Совету со стороны лоялистов; в худшем случае, который когда-то описала мне Эмели (хотя она видела в этом нечто, к чему нужно стремиться, доказывая свою помешанность) наша планета была бы втянута в Варп, и мы все стали пищей для демонов Хаоса.

Кристабель и Джафар переглянулись. Культы, которые они представляли, вызывали у меня больше всего беспокойства — Кхорниты вряд ли бы стали заниматься проповедями, пока они были заняты тренировками, и я собирался позаботиться о том, чтобы их тренировочный режим измотал их настолько, что они даже не думали об этом. А еще них был доступ к колдовству, которое могло бы быстро выйти из-под контроля, если бы я позволил им свободу действий.

С другой стороны, если бы я напрямую запретил им обращать граждан Славкенберга к Хаосу, они могли начать интересоваться причинами, а я едва ли мог назвать правдивые. Но сейчас я представил это как состязание между двумя их Темными Богами. Тзинч и Слаанеш - кто из них лучше всего сможет привлечь новообращенных? Принц Излишеств и Архитектор Судеб не были полными противоположностями, в отличие от противостояния последнего с культами Нургла, вычищенными нами перед Восстанием, но все Темные Боги были в какой-то степени соперниками.

«Я... очень хорошо. Если на то ваша воля, то это будет сделано», — уступил Джафар. «Я составлю заявление и отправлю его вам на утверждение».

Кристабель благоговейно улыбнулась, когда вся гениальность плана Освободителя развернулась в ее сознании. В данный момент жители Славкенберга справедливо презирали Экклезиархию и, соответственно, Имперское Кредо. И все же это произошло не потому, что они увидели правду о лжи Ложного Императора, а из-за поколений угнетения, что были связаны с ним.

Стоило Совету попытаться заменить Имперское Кредо своим, первой инстинктивной реакцией людей была бы настороженность. И это при условии, что они вообще могли бы договориться о едином кредо: несмотря на единство под началом Освободителя, три фракции Хаоса, представленные в Совете, были далеки от единства в богословских вопросах. Но что бы ни думали Малоне или Джафар, она знала, что Каин был ближе всего к Служанкам, благодаря своей связи с леди Эмели, хоть и не посвятил себя Повелителю Удовольствий, вместо этого решив уравновесить ситуацию, чтобы продолжать руководить всем Советом.

Освободитель не мог принять чью-либо сторону, но Кристабель знала, что он интриговал в интересах Служанок. Еще до Восстания они возглавляли несколько меньших культов Слаанеша по всему Славкенбергу. Их члены не были равны Служанкам в глазах Темного Принца, но они все же формировали плацдарм для расширения влияния культа. И не было сомнений в том, к чьим прислушаются освобожденные жители Славкенберга.

В конце концов, Изменяющего Пути представлял Джафар, а Темного Принца представляли Кристабель и ее сестры. На самом деле, это вообще не было бы состязанием. И у нее как раз была идея, чтобы склонить чашу весов еще сильнее.

«Я хотела бы сделать предложение», — сказала она, привлекая к себе внимание. Как всегда,

она почувствовала укол разочарования, когда глаза Каина остановились на ее лице, а не начали блуждать по ее телу — преданность Освободителя леди Эмели была восхитительной, но это действительно задело ее гордость. «Хотя строительство настоящего храма Темных Сил будет проблематичным в данных обстоятельствах, мы могли бы воздвигнуть памятник тем, кто пал в борьбе со злом Гиорбы?»

Я обдумал предложение Кристабель. Все остальные за столом, казалось, поддерживали его, и я не видел ни единой причины отклонять его.

«Памятник цене свободы и тем, кто ее заплатил, конечно, не помешал бы», — сказал я, скрывая от лица свои истинные причины, маскируя их трезвым выражением скорби. "Вы уже обдумали место?"

«Насколько я знаю, Большой собор был снесен на прошлой неделе, не так ли, главный клерк?» — спросила она Джафара, который утвердительно кивнул. "Тогда его место был бы идеальным. Все согласны?"

Все были согласны, и идея была принята. По правде говоря, меня это мало заботило. Проект, вероятно, займет годы, если он когда-либо будет завершен. К тому времени Империиум, скорее всего, уже придет и заберет планету, а я буду вне планеты и буду прятаться где-то, где ни Эмели, ни Инквизиция никогда меня не найдут.

По крайней мере, теперь Кристабель была чем-то занята. И не никаких херувимов по окончании строительства. Несчастные твари всегда пугали меня. Ну действительно, кому могло показаться хорошей идеей выращивать в чанах младенцев-чудовищ и приделывать им кибернетику с крыльями? Что не так с сервочерепами? Даже виденное мною во время ритуалов, в которые Эмели вовлекала меня во время нашего общения, не было и вполнину настолько пугающим.

Сидя за письменным столом в личном кабинете на борту своего корабля «Пылающее Возмездие» и просматривая последний набор расшифрованных астропатом сообщений, инквизитор Федор Карамазов молча кивнул, позволив себе малейший намек на удовлетворение. Его верные помощники закончили предавать правосудию воспротивившихся его воле безвольных дураков, устранив препятствия, стоявшие на пути исполнения воли Императора. Согласно отчету об их расследовании, они обнаружили не меньше дюжины еретиков, скрывавшихся в военном командовании Сектора, ослабляющих изнутри саму ткань Империиума своей трусостью и некомпетентностью.

Когда Карамазов воспользовался своей инквизиторской властью, чтобы отдать приказ о сборе оперативной группы, способной отвоевать Славкенберг у захвативших его темных сил, эти люди осмелились отказать ему в должном. Прикрывая свою измену вежливыми формулами, они заявляли, что ересь Славкенберга менее важна, чем другие активные угрозы Сектору.

Они утверждали, что угроза орков, тау и тиранидов была более серьезной проблемой. Дураки. Карамазов знал правду. Враг Внешний был ничем по сравнению с Врагом Внутренним, что истощал силы Империиума и распространял гниль на все, к чему прикасался. Орки были безмозглыми зверями, Тау — наивными дураками, а тираниды были сломлены благородными Ультрамаринами столетия назад. Истинная угроза Империиуму исходила от Заклятого Врага, что было наглядно доказано Ересью Хоруса десять тысяч лет назад. Все остальное было в

лучшем случае незначительным отвлечением, подходящим для меньших людей, в то время как те, кто обладал верой и силой воли противостоять истинному врагу, сохраняли чистоту Империи, как того требовало Его видение.

То, что менее просветленные люди не понимали этого так же ясно, как Карамазов, было тем, к чему он с годами привык и мог терпеть. Но отказываться выполнять его приказы? Само по себе это заслуживало смертного приговора. Его слово было словом Императора, и ему следовало беспрекословно подчиняться. Этот самый отказ следовать назначенному месту в плане Императора привел к разращению Славкенберга.

На протяжении веков Дом Гиорба держал Славкенберг на правильном пути, не давая ему впасть в порчу, несмотря на упаднический климат. Мир порождал слабость точно так же, как праздность порождала ересь, и Славкенберг слишком долго был мирным: только твердая руководящая рука назначенных Богом-Императором губернаторов могла предотвратить заражение такого мира. Тем не менее, в конце концов Гиорба не справились с поставленной перед ними задачей. Им придется объяснять свою неудачу Повелителю Человечества: сам Карамазов разберется с бардаком, который они оставили после себя.

Когда он закончит со Славкенбергом, планета станет служить примером всем другим мирам в Сегментуме о цене неповиновения воле Бога-Императора. Ни один камень не останется нетронутым, ни один грешник не останется безнаказанным. И если ему придется превратить всю планету в пепел, чтобы не осталось ни одного еретика, он сделает бы это без колебаний.

Его долг перед Богом-Императором требовал от него не меньшего.

<http://tl.rulate.ru/book/89867/2900939>